

РЕПРЕССИИ И ЭМАНСИПАЦИИ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ: ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ТОВАРИЩЕСКИЙ СУД В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК

Мария Старун

Мария Старун, департамент истории, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» в Санкт-Петербурге. Адрес для переписки: НИУ ВШЭ, ул. Союза Печатников, 16, Санкт-Петербург, 190121, Россия. mstarun@hse.ru.

Исследование проведено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

В данной статье предпринимается попытка рассмотреть два параллельно существовавших и противоречивых свойства социалистической законности – ее репрессии и эмансипации. Фокусируясь на конкретном институте социалистической законности – товарищеских судах на производстве – автор обнаруживает переплетение двух этих функций советского правосудия. Аргумент статьи состоит в том, что гибкость социалистической законности является одной из основных и определяющих ее черт, которая могла обеспечить как эмансипаторное пространство борьбы за права и критику порядков, так и сугубо репрессивное ограничивающее воздействие. Функционирование законности определял не сам закон, а его взаимодействие со средой, часто подчинявшей себе не только априорно широко прописанную в советском праве процессуальность, но и суть закона, которая была подвержена интерпретациям. Автор доказывает, что работа товарищеских судов зависела от множества факторов: авторитета и независимости местных партийных и профсоюзных ячеек; наличия активистов; промышленной среды взаимодействия; интересов организаторов таких судов; проведения государственных кампаний и пр. На практике товарищеские суды как один из локусов социалистической законности вмещали в себя широкий спектр собственных тактик, среди которых можно обнаружить бюрократические (обилие штрафов, существование отдельных судов только на бумаге), репрессивные (контроль над дисциплиной и обеспечением рабочих), эмансипационные (защита чести и достоинства на рабочем месте, критика администрации, борьба за лучшие условия труда через обращение внимания на беспорядок в организации). Такие широкие контексты и интерпретации, доступные в товарищеских судах, демонстрируют общие пределы социалистической законности, реализация которой в каждом отдельном случае зависела от среды и складывалась своим уникальным образом.

Ключевые слова: социалистическая законность; товарищеский суд; СССР; право; конфликт; дисциплина; индустриализация; профсоюзы; коммунистическая партия

В 1917 году после Октябрьской революции на территории бывшей Российской империи большевики начали устанавливать новый правовой режим социалистической законности. К моменту выхода Конституции 31 января 1924 года можно говорить о его официальном утверждении на территории СССР. Такой режим оценивался в историографии по-разному. Еще в середине прошлого века среди историков советского режима законности и советского вообще возник классический спор между тоталитаристами (традиционалистами) и ревизионистами (легалистами) (Sagatiene 2016). Если первые были сосредоточены в основном на функционировании государства как тоталитарной системы, то вторые сфокусировались на участии советских граждан в этом процессе. В области интерпретации советской законности основной спор сложился вокруг того, считать ли ее вообще правовой (Gsovski and Grzybowski 1959; Verman 1963; Butler 1983 и др.). Степень включения судебных институтов в репрессивную политику советского государства до сих пор вызывает споры исследователей (Huskey 1991; Khlevniuk 1997; Rittersporn 1997; Кодинцев 2008; Соломон 2008). Мой подход состоит в том, чтобы рассмотреть одновременно два противоположных тренда социалистической законности – ее репрессии и эмансипации.

Советский правовой порядок определялся не только марксистской теорией права, кодексами и декретами новой власти, но и разнообразными локальными контекстами с их собственными структурами и иерархиями власти, а также подходами к разрешению конфликтов. Функционирование законности задавал не сам закон, а его взаимодействие со средой, часто подчинявшей себе не только априорно широко прописанную в советском праве процессуальность, но и суть закона, которая тоже была подвержена интерпретациям. В данной статье я рассмотрю один конкретный институт социалистической законности – товарищеские суды на производстве, обращая особое внимание на переплетение репрессивной и эмансипирующей функции советского правосудия. Мой аргумент состоит в том, что гибкость социалистической законности является одной из основных и определяющих ее черт, которая могла обеспечить как пространство борьбы за права, критику порядков, так и сугубо репрессивное ограничивающее воздействие.

Товарищеский суд не был большевистским изобретением. Такой суд родился в среде рабочих для разрешения моральных и дисциплинарных проблем своими силами сначала в годы революции 1905 года, а потом и после Февральской революции в 1917 году¹. В 1919 году с укреплением большевистской власти суд был включен в систему государственных органов. В первые постреволюционные годы товарищеские суды регулировали дисциплину с помощью коллективного воздействия, функционировали без жестких формальных процедур, имели ограниченную юрисдикцию и небольшой круг наказаний – не только воспитательных, но и репрессивных (принудительные работы, заключение в концентрационный лагерь)². Такие суды

¹ В образовательной сфере товарищеские суды появились намного раньше. Николай Пирогов пытался ввести товарищеские суды на уровне целого учебного округа в 1850-е годы, однако его реформы встретили сопротивление. Тем не менее товарищеские суды продолжали вводиться по инициативе отдельных учебных заведений – школ, гимназий, кадетских корпусов. См.: Карась 1897; Бутовский 1907; Ильин 1916; Пирогов 1953.

² «Положение о рабочих дисциплинарных товарищеских судах: Декрет СНК РСФСР от 14.11.1919», *Свод узаконений РСФСР*, 1919, 56:537.

были упразднены в 1922 году с переходом ко введённому с НЭПом производственному принципу единоначалия, когда дисциплинарная власть оказалась в руках советских управленцев (Икорский 1966; Вольдман 1969; Старун 2021). В 1928 году товарищеский суд был переучрежден, но уже с новой целью – разгрузки народных судов от большого числа дел личного обвинения.

Период истории товарищеских судов, приходящийся на первые две пятилетки (1928–1937), полон различных трансформаций. Сложность для исследователя состоит в том, что после 1934 года объем источников по таким судам резко сокращается, хотя сами органы продолжали функционировать. Заинтересованность государства в их организации, а следом и активность самих судов серьезно уменьшились примерно около 1935 года. Ехезкель Вольдман (1969) связывает это с выходом в 1934 году брошюры «Суды общественной самодеятельности» Андрея Вышинского, тогда заместителя прокурора РСФСР. Вышинский не нашел никаких преимуществ у органов общественной самодеятельности по сравнению с народными судами. Кроме того, он использовал сталинскую формулировку о том, что самодеятельные органы – это «муравейники», которые «копшатся» вокруг низовых партийных, профсоюзных и других организаций, тогда как нужно повышать роль органов законности. Судя по всему, товарищеские суды, как и в 1921 году, возмутили центральное руководство своей неподконтрольностью. Кроме того, 30 мая 1936 года Комиссией советского контроля было принято постановление «О рассмотрении жалоб трудящихся», которое предполагало прекращение передачи дел по наложению взысканий на работников в общественные организации³. Вопреки планам Вышинского действовал Николай Крыленко, главный инициатор введения общественных судов. В 1937 году, все еще будучи народным комиссаром юстиции, он предпринял попытку оживить работу товсудов, выпустив в июне приказ «О перевыборах и довыборах общественных судов». 16 января следующего года, за полмесяца до ареста Крыленко, работа по приведению приказа в действие была остановлена «до особых указаний» (Вольдман 1969:188–191). Во второй половине 1930-х годов было предпринято еще несколько попыток реформировать товарищеские суды, но ни одна из них не увенчалась успехом. Летом 1939 года, уже после расстрела главных идеологов общественных судов, Крыленко и Евгения Пашуканиса, был разработан новый проект положения о товарищеских судах, но и он не был утвержден (Кодинцев 2009). Тем не менее я располагаю собранной Наркоматом юстиции (НКЮ) статистикой по 1935–1938 годам, и она выглядит по-прежнему внушительной. В 1935 году из 13 тысяч была проверена деятельность 8 тысяч судов, которые разобрали 88 тысяч дел⁴. Несмотря на то, что с годами их активность понижалась, в 1938 году их было около 20 тысяч⁵. Протоколов таких судов мне найти не удалось – возможно, из-за отсутствия требований сверху хранить такую отчетность. Таким образом, основной комплекс моих источников охватывает 1928–1934 годы.

³ *Свод законов СССР*, 1936, 31:276.

⁴ ГАРФ, ф. 9492, оп. 1, д. 813, л. 2.

⁵ ГАРФ, ф. 9492, оп. 1, д. 872, л. 2.

В предлагаемом исследовании использованы источники государственных и муниципальных архивов (ГАРФ, ЦГА СПб, ЦГА Москвы) – в основном протоколы товарищеских судов из профсоюзных фондов. Фонды центральных комитетов профсоюзов в ГАРФ наполнены присланными с мест детальными стенограммами заседаний, значимых с точки зрения локальных профсоюзных деятелей. Очевидно, что присланные материалы не отражают повседневного функционирования товарищеских судов, однако полны деталей. Напротив, протоколы судов в фондах первичных профсоюзных ячеек, сохранившиеся в городских архивах, обычно более лаконичные и сухие. Они часто написаны карандашом на неразлинованных обрывках бумаги. Дело в том, что трудовые конфликты на предприятиях имели очень короткую бюрократическую историю и оставляли мало следов в производственной документации, однако даже в своей краткости обнаруживают необходимые для понимания феномена товарищеских судов детали. Таким образом, протоколы из ЦК профсоюзов демонстрируют насыщенность и живость отдельных товарищеских заседаний, тогда как документы первичных профсоюзных ячеек на отдельных предприятиях показывают тенденции их развития и работы, принятые на протяжении года решения, а также привычные отдельному суду риторики и пределы этого разнообразия. Основным фондом для последнего типа источников выступили протоколы товарищеских судов Московского электрозавода за 1929–1932 годы (неполные за 1931 год). Историки Сергей Журавлев и Михаил Мухин уже работали с этим фондом, однако их интересовали не правовые механизмы и контексты, обеспечивающие ту или иную реализацию законности, а повседневность работников, высвечивающаяся на этих заседаниях (Журавлев и Мухин 2004).

Несмотря на то, что интересующий меня период обычно ассоциируется с правовым нигилизмом, после первой пятилетки плавно переходящим в статизм⁶, мне бы хотелось рассмотреть гибкость товарищеских судов не только как черту этого специфического периода, но и как устойчивый признак советской, социалистической и, возможно, шире – российской законности вообще⁷. Под гибкостью я понимаю такую черту законности, которая позволяет одним и тем же нормам реализовываться противоположным образом в разных условиях: подстраиваться под местность, контекст нарушения и социальный статус тяжущихся, в результате чего различные, часто противоположные санкции применяются к аналогичным нарушениям. Такую гибкость нельзя отнести к концепции легального плюрализма, подразумевающего,

⁶ Терминология Юджина Хаски (Huskey 1991), в рамках которой под статизмом он понимает стремление систематизировать законодательство в интересах укрепления центральной государственной власти и иерархии. Несмотря на схематичность такого подхода, многие исследователи разделяют точку зрения, что в 1930-е годы правовая политика государства изменилась в сторону соблюдения формальной законности, однако расходятся в интерпретации хронологических отрезков, когда эта трансформация произошла, а также в оценке степени ее радикальности (Khlevniuk 1997; Rittersporn 1997; Соломон 2008; Великанова 2021).

⁷ О разнообразии решений, которые принимали те или иные судебные органы, уже есть подробные институциональные исследования (о народных судах, революционных трибуналах, судебной кассации), однако концепция гибкости для них не является ключевой (Rendle 2013; Retish 2013; Newman 2014).

что в одном политическом пространстве параллельно существует несколько правовых систем (Pospisil 1971; Griffiths 1986; Merry 1988)⁸. Напротив, система вынуждена создавать такое единое законодательство, которое должно быть гибким из-за самой необходимости приспособиться к разнообразию территорий политического образования. Историки права Татьяна Борисова и Джейн Бербэнк отметили, что многообразие и гибкость были ключевыми особенностями развития российского права. Они позволяли ему подстраиваться под своих посредников, дополняться на местах, а также предоставлять множество возможностей апелляции по отношению к разным системам власти (Borisova and Burbank 2018:478–499). Нэнси Коллманн (2016) также концептуализировала российское право, прежде всего с помощью понятия гибкости, к которому она относила способ функционирования права, отличавшийся растянутостью коммуникаций, недостатком профессионального образования судей, взаимодействием писаного закона со своеобразными представлениями о правосудии на местах. Исследовательница пишет, что сами кодексы предполагали гибкость при выборе санкций и применении наказаний. На практике судьи интерпретировали те или иные нарушения в зависимости от преступления, статуса и местных обстоятельств. Питер Соломон писал о широко применяемых в сталинский период принципах аналогии (применение к спорному решению, не урегулированному нормой, общих принципов законодательства) и усмотрения (широкий диапазон санкций для списка преступлений), которые также могут быть интерпретированы как поддерживающие гибкость этого права элементы (2008:28–29)⁹.

⁸ Один из пионеров в исследованиях легального плюрализма Леопольд Посписил предложил рассматривать как плюрализм наличие у каждой подгруппы (семья, род, сообщество и пр.) собственной правовой системы, которая отличается от системы другой подгруппы (Pospisil 1971:107). В случае товарищеских судов это неприменимо, так как подразумевает буквально бесконечное число отдельных легальных порядков. Работники отдельной фабрики не представляли собой отдельную подгруппу – скорее все работники фабрик и заводов в правовом смысле образовывали одну подгруппу, в которой доминировал отдельный правовой репертуар возможных репрессий и эмансипаций.

⁹ О гибкости говорят и в отношении современных англосаксонских и романских правовых систем, которые обычно полагают сущностно противоположными социалистической законности. Более того, школа критических правовых исследований (*critical legal studies*) настаивает, что гибкость и близкая ей неопределенность являются нормальными чертами любых правовых систем, которые, однако, должны быть артикулированы и проблематизированы (Nonet and Selznick 1978; Singer 1994). Иоахим Зафельсберг использовал методологию школы, чтобы обратить внимание на уникальность «диалектических противоречий» (*repressive law vs. responsive law*) советского права, которые ведут к дисфункциональности всей системы. На основе историографии и своих наблюдений за правовым функционированием в странах – участницах Организации Варшавского договора он сделал вывод, что противоречия характерны и для западных систем, однако в случае государственного социализма они были более интенсивными и репрессивными по своей сути (Savelsberg 2000). На контрасте с оценкой неопределенности советского права как репрессивной, неопределенность российского права оценивается исследователями позитивно как полезная возможность для индивидуального регулирования и усмотрения (Назаренко 2006). Андрей Кашанин (2013) подчеркивает, что только непризнание неизбежной неопределенности права приводит к произволу и избирательности в судебных мотивировках. Несмотря на признание «нормальности» неопределенности и гибкости, именно степень амплитуды гибкости социалистической законности я считаю специфической. Зафельсберг назвал ее постлиберальной.

В данной статье я рассматриваю специфичность амплитуды гибкости социалистической законности – от определенного типа репрессий до определенного типа эмансипаций. Такая амплитуда была крайне характерна не только для «товарищеского», но и для уголовного права (Соломон 2008:111–112). Под эмансипацией в данном контексте я понимаю обретение в суде пространства для борьбы за свои права и для критики существующего порядка – социального или политического. Эмансипация в случае советского производства может восприниматься как прямое освобождение от власти администрации. Нам трудно вообразить советские правовые практики эмансипирующими, однако в данном случае я имею в виду те судебные результаты, которые были противоположны репрессиям и способствовали освобождению от правовых ограничений – своего рода «антирепрессии», которые в отдельных случаях были просто отсутствием репрессий. Под репрессией же я имею в виду то, что суд превращался прежде всего в институт контроля, социального и политического, применяя репрессивные механизмы разной степени тяжести.

Исследования товарищеских судов вне российского контекста позволяют обратить внимание на разницу между декларациями их создателей и повседневной практикой. Ронен Шамир (Shamir 2002) проанализировал функционирование товарищеских судов при еврейском профсоюзе Гистадрут, призванном представлять права работников-евреев в подмандатной британцам Палестине. Исследователь сделал вывод, что в специфических колониальных условиях нацие- и госстроительства такая форма судебной организации способствовала только поддержке существующих отношений власти и механизмов бюрократического контроля и не стала альтернативной, освобождающей формой юстиции. Процесс судопроизводства, который продемонстрировал Шамир, не содержал в себе никакого эмансипаторного потенциала, потому что был зависим от властных структур на предприятиях. Роберт Хейден, напротив, обнаружил этот потенциал в рабочих судах в послевоенной Югославии (Hayden 1986). Последние были независимы от администрации предприятий, вели работу вне производства и, вопреки сложившейся традиции, имели в штате профессиональных юристов. Советские же товсуды межвоенного периода совмещали в себе разные черты. Они учреждались при предприятиях, не требовали юридического образования для судей и при этом объединяли в себе как репрессивный, так и эмансипаторный потенциал. В предлагаемом исследовании я продемонстрирую примеры, в которых все эти факторы взаимодействовали по-разному.

В СССР товарищеские суды были подчинены НКЮ, взаимодействовали с другими судебными органами общей юрисдикции, а их решения имели обязательный характер. Так, рассмотрение их деятельности раскрывает не только локальные, но и более широкие механизмы социалистической законности. В советской правовой теории понятие социалистической законности, пришедшей на смену революционной, закрепилось только в середине 1930-х годов и свидетельствовало о стабилизации законности (Фельдман 2016). Не вдаваясь в дискуссии советских идеологов об отличиях двух типов советской законности, я рассматриваю социалистическую законность в широком смысле – как установившийся после революции советский правовой порядок.

Историография товарищеских судов данного периода достаточно бедна и в основном представлена исследованиями юристов. Монументальным исследованием юридической базы, на основе которой функционировали товарищеские суды, остается диссертация советского юриста Ехезкеля Вольдмана, который в 1960-е годы подробно исследовал законодательные изменения вокруг товарищеских судов в интересующий нас период (Вольдман 1969). Современные правоведы, с одной стороны, тоже рассматривают региональные товарищеские суды, но при этом не отмечают их особой специфики, а также недостаточно критически анализируют исторические источники (Исаев и Михеев 2018). С другой стороны, юристы внимательно изучают техники, мотивировки, судебные процедуры и отраслевую принадлежность норм товарищеской юстиции, классифицируя их как правовые или чрезвычайные (Факурдинова 2019б). Исследователи часто рассматривают товсуды в контексте организации всей советской судебной системы (Кожевников 1957; Сурилов 1963; Лезов 1998; Смыкалин 2002) или общественных судов с точки зрения проблематики квазисудебности (Кодинцев 2007; Кодинцев и Шкаревский 2019; Факурдинова 2019а; Суязов 2020). Товарищеские суды подробно рассмотрены в контексте законодательства и советской судебной системы, однако практическое функционирование социалистической законности в поле производственной юстиции рассмотрено лишь с точки зрения производственной повседневности или на основе статистических данных.

Итак, в данной статье я анализирую разнообразные практики социалистической законности на предприятиях на примере одной конкретной институции, которая сама по себе оказалась очень гибкой. Аргументы и судебные решения товарищеских судов демонстрируют очень широкий, не всегда очевидный в рамках существующей историографии спектр подходов к определению вины, участию субъектов, репрессивности коллективизма, рабочему контролю и ценностям работников. Советский товарищеский суд, таким образом, включает в себя множество тактик и стратегий, обусловленных не только репрессивностью и политизированностью режимов судебного обсуждения, попытки проецирования которых на локальный уровень судопроизводства оказывались совершенно непродуктивными. Мой аргумент состоит в том, что советские товсуды в годы первых пятилеток были органом, демонстрирующим не только репрессирующие, но и эмансипаторные тенденции. Такую радикальную гибкость, пожалуй, и можно назвать отличительной чертой социалистической законности, всегда контекстуально зависимой.

УСПЕХИ «БЕСКОДЕКСНОГО» СУДА

27 августа 1928 года постановлением ВЦИК в крупнейших промышленных центрах – Москве, Ленинграде и Иваново – в пробном режиме под контролем Наркомата юстиции и по соглашению со Всесоюзным центральным советом профессиональных союзов (ВЦСПС) на фабрично-заводских предприятиях были учреждены товарищеские суды. После их упразднения в связи с укреплением единоначалия на производстве в 1922 году главным заинтересованным в возвращении товарищеских судов институтом стал НКЮ, стремившийся разгрузить народные суды от

мелких дел частного обвинения (оскорбления, побои, обиды). Такие дела составляли 30% от общего числа уголовных¹⁰. Так, в соответствии с интересом законодателей новый товарищеский суд должен был стать не дисциплинарным органом, как ранее, а органом, защищающим достоинство личности трудящихся от оскорблений словами или действием.

В отличие от товарищеских судов времен Гражданской войны новые суды учреждались не при районных профсоюзных организациях, а непосредственно на предприятиях. Весь состав товарищеского суда должен был избираться на общем собрании рабочих и служащих предприятия на шестимесячный срок. Дела возбуждались по жалобе потерпевшего или по заявлению группы и рассматривались публично в рабочее время. Решения принимались большинством голосов состава суда, а меры взыскания были в основном воспитательными (товарищеское предупреждение устно или письменно, общественное порицание устно или в печати, а также штрафы до 10 рублей в пользу общественных организаций). Самым большим ограничением товсудов, раскритикованным юридическими экспертами (Москаленко и Тимофеев 1929; Вольдман 1969), было то, что в их компетенцию входили конфликты только между сотрудниками одного предприятия или членами их семей, а также между проживающими в общежитиях и домах предприятия.

В печати товарищеские суды в очередной раз¹¹ интерпретировались как творчество масс, испытавших и осознавших необходимость в таком институте низового правосудия. В одной из заметок в журнале Наркомата юстиции «Суд идет» был описан случай, как еще за несколько недель до организации на Пролетарском заводе вполне оформленного товарищеского суда «никем не подсказанная, а сама собой осознанная родилась мысль о том, чтобы судить своим, товарищеским судом»¹². Этот суд стал первым товарищеским судом в Ленинграде.

Работоры, ссылаясь на наркома юстиции Николая Янсона, отмечали полезную двойственность товарищеских судов. С одной стороны, они являлись судебным органом: им была отведена определенная компетенция и набор санкций, а их решение имело обязательную силу. Одновременно с этим они – «уже не суды», а «средство воспитательного воздействия трудового коллектива на отдельных своих членов в случае тех или иных социально вредных действий»¹³. Именно поэтому суды, как мыслилось, не должны были быть связаны никакой «процессуальной формалистикой». Считалось, что товсудам не нужно быть похожими на народные: товарищеский суд – это «бескодексный суд» (Москаленко и Тимофеев 1929:41). Все это в очередной раз усложняет работу историков по исследованию таких судов, так как кроме кратких протокольных записей не предполагалось никакого

¹⁰ ГАРФ, ф. 1235, оп. 74, д. 391, л. 68 об. Итоги и выводы о работе товарищеских судов и примирительных камер. Эти дела считались преступными и в судебной практике относились к ст. 159 УК РСФСР редакции 1926 г. – «оскорбление, нанесенное кому-либо словесно или письменно» и «оскорбление, нанесенное кому-либо действием».

¹¹ Как и товсуды времен Гражданской войны. Подробнее см. Икорский 1966.

¹² *Суд идет*, 1929, 6:319–322.

¹³ *Суд идет*, 1929, 1:6.

бумажного делопроизводства. Действительно, данные о товарищеских судах этого периода (1928–1929 годы) практически отсутствуют в архивах. Из-за столь неформального подхода к ведению документации функционирование товсудов на первом этапе детальнее прослеживается по журнальным публикациям, основным источником которых для меня стал уже упомянутый ленинградский журнал «Суд идет». Эти заметки, очевидно, литературизованы, поэтому я дополняю их анализ источниками с Московского электрозавода. Последние представляют собой гораздо более краткие и написанные, как правило, единым текстом протоколы, без выделения чьих-либо цитат и без печатей¹⁴.

Товарищеский суд должен был отличаться от обычного суда. Никто не должен был вставать, вести подробные протоколы, держать секретарей, удалять свидетелей из зала, допускать тайные совещания судей. Повторяющиеся штампы в заметках по товарищеским судам в ленинградском юридическом журнале «Суд идет» были следующими: суд «без кодексов», «без конвоиров», «бесхитростный», «нет синих обложек», «разлинованного протокольного моря», с подсудимых слетает «бахвальство», суд влияет не «протокольной записью, а товарищеским напутствием», «самое решение дел в этих судах должно быть свободно от гипноза кодексов и статей». Вышеперечисленное было не только мнением журналистов: Пленум Верховного Суда РСФСР также заявил, что применение общих процессуальных и материальных норм законов в товарищеских судах не должно допускаться, иначе они превратятся в суррогат суда¹⁵.

Тем не менее этот свободный суд был ограничен узкой подсудностью и, как следствие, сложностями с поиском дел для разбора. При этом стремление расширить компетенцию обнаруживалось как сверху, так и снизу. Например, семейные дела до выпуска специального постановления в декабре 1929 года¹⁶ не входили в компетенцию производственного товарищеского суда, однако его «бескодекность»¹⁷ сразу привела к тому, что семейные конфликты просочились в производственные разбирательства. На Балтийском заводе жена работника принесла жалобу, что «нет жизни от мужа», «невмоготу выносить кулаки». Суд в рамках своей компетенции вынес общественное порицание с опубликованием в печати. Трудно представить, что это действительно трансформировало отношения в семье, однако репортер заметил, что женщины громко выражали удовлетворение от того, что мужчины встали на их защиту¹⁸. Жалобы на оскорбление «женской» чести направлялись и самими работницами против других работниц. Например, в 1929 году одна из них услышала, как другая называет своих коллег проститутками,

¹⁴ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 361, Заседания товарищеских судов, Электросила, август – декабрь 1929 г.

¹⁵ *Суд идет*, 1929, 1:7.

¹⁶ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 30 декабря 1929 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях и предприятиях», *Собрание узаконений РСФСР*, 1930, 4.

¹⁷ Терминология источника.

¹⁸ *Суд идет*, 1929, 21:1257–1258.

и возмутилась тем, что женщины получают такие оскорбления в рабочей среде. Еще одно из характерных для этого периода обвинений – распространение слухов о совершении аборта кем-то из работниц¹⁹.

В заметках обращали внимание на характерные производственные детали типа шума станков, пота на лицах рабочих и пр. На «Коминтерне», например, суд заседал за столом, на котором в другое время играли в пинг-понг. Последнее рассматривалось как преимущество, потому что «перед товарищеским судом не стоят – к нему подходят, вот так вплотную, как сейчас Дудакова. Она взволнована и полна доверия и, навалившись на стол, она широкой ладонью хлопает по своей жалобе»²⁰. Главной функцией суда было внимательное выслушивание товарищей, так как суд должен быть для рабочих «своим» – таким, где они могут «выложить всю свою душу» (Москаленко и Тимофеев 1929:38).

По постановлению о товарищеских судах слушатели не имели права участвовать в разбирательстве²¹, однако в опубликованных заметках описан противоречащий положению режим работы судов. Работники могли сами задавать вопросы в процессе судебного заседания и выступать по существу рассматриваемого дела: оправдывать и обвинять, быть свидетелями, задавать проясняющие вопросы истцу, ответчику, свидетелю и даже самому суду. Товарищеский суд представлял в официальной печати не как что-то «грозное и неприступное», вышестоящее, внеклассовое», а как одно из «орудий» рабочих²². Характерно, что официальные опубликованные в печати репортажи с товарищеских судов содержат описания процедур, которые противоречили положению, что, впрочем, вполне отвечало концепции «бескодексного» суда.

РАСШИРИТЕЛЬНОЕ ТОЛКОВАНИЕ И ОГРАНИЧИТЕЛЬНАЯ ПОДСУДНОСТЬ

Несмотря на то, что архивные протоколы товарищеских судов едва ли отражают процессуальные аспекты, они содержат информацию о контекстуализации как основном подходе товарищей к проступкам коллег. Четкая логическая связь между нарушением и санкцией не предполагалась. Так, при выборе санкции суд на Московском электрозаводе мог учитывать различные факторы, среди которых были низкий политический уровень нарушителя, чистосердечное раскаяние, невысокая квалификация или даже «болезненное состояние и ряд мелких неудач,

¹⁹ Аборты были криминализованы в 1936 году, однако уже на рубеже 1930-х обнаруживается социальное осуждение в отношении этого явления. Стоит сказать, что вопросы чести, в особенности чести женщины, важной не только для женщин как субъектов, но и как объектов государственной пронаталистской политики, были характерны для товарищеских судов в самые разные периоды их работы.

²⁰ *Суд идет*, 1929, 6:311.

²¹ Постановление ВЦИК, СНК РСФСР от 27 июля 1928 г. «О товарищеских судах на фабрично-заводских предприятиях, в государственных и общественных учреждениях», *Собрание узаконений РСФСР*, 1928, 114:707.

²² *Суд идет*, 1929, 8:434.

способствовавших раздражению»²³. Суд также мог выделить людей, призванных помочь работнику поднять его «культурный уровень», или поставить партийный комитет в известность, например, об обнаруженном проявлении антисемитизма.

На одном суде были осуждены несколько пьяниц, правда, как нарушители дисциплины, а не как обидчики по делу частного обвинения. Этот суд интересен тем, что каждый упомянутый случай пьянства был контекстуализирован по-разному. Автор заметки наверняка стремился показать разнообразие аргументов и санкций в ответ на одно и то же нарушение, что входит в противоречие с принципом правовой определенности, когда для каждого нарушения предполагается соответствующая санкция. В одном случае суд посчитал, что «признание снимает половину вины» и приговорил к строгому выговору. Другой работник, Вагин, трижды попадался в пьяном виде и был уволен, однако суд обнаружил «смягчающие обстоятельства» в виде «пьяной компании» и легкомыслия и постановил пересмотреть дело об увольнении. Совершившая 77 прогулов работница была признана «неплохой», однако в процессе заседания выяснилось, что та бросала ребенка, когда начинала пить. Суд принял решение передать ребенка в детский дом, а матери объявить выговор²⁴. Одному работнику назначили принудительное лечение от алкоголизма, а следующий был уволен условно на 6 месяцев²⁵. Сразу уволен с завода был только тот, кто держался на суде «нагло, напористо» и заявлял: «Пил и буду пить!» Всего в ходе заседания за одно и то же нарушение по отношению к каждому были применены разные санкции, что говорит об индивидуальном и внимательном контекстуализирующем подходе товарищеского суда.

Важно подчеркнуть, что вина интерпретировалась судом расширительно, то есть не только как вина одного человека. Товарищеское разбирательство предполагало, что и истец подвергнется внимательному изучению. Например, на Электrozаводе в деле об оскорблении за невыдачу со склада материала должного качества оскорбивший получил штраф, а не выдавший материал – общественное порицание, так как не отнесся к производству с достаточным вниманием²⁶. На фабрике Халтурина в Ленинграде одна работница объявила другой отвод (вето на участие) на выборах, из-за чего между ними произошел конфликт. Суд выяснил и контекстуализировал подробности обиды, в результате чего обе получили взыскания – выговор с предупреждением и постановку на вид²⁷. Под внимательный взор товарищей попадал не только тот, на кого было подано заявление, но и сам жалобщик. Так, когда работницы пожаловались, что во время вечеринки к ним пришел агрессивно настроенный коллега, то штраф в размере 5 рублей был назначен не только ему. По 1 рублю штрафа получила и каждая из женщин за то, что «подчиняясь старому быту, вырученные от продажи общего имущества деньги пропили

²³ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 361, л. 12.

²⁴ *Суд идет*, 1928, 21:1180.

²⁵ При условном приговоре работник мог быть уволен за повторное нарушение в течение означенного срока.

²⁶ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 361, л. 5.

²⁷ *Суд идет*, 1929, 6:11.

вместо того, чтобы обратить их на культурные цели» (Москаленко и Тимофеев 1929:32). Все эти расширительные толкования, а также сообщения другим общественным организациям о нарушениях их членов также не были предусмотрены положением о товарищеских судах.

Так, товарищеский суд был задуман первоначально как орган, в который бы рабочие индивидуально обращались на обижавших их коллег (подсудность товарищеского суда была ограничена одним предприятием). Таким образом они, не покидая рабочего места, удовлетворяли бы свой запрос на восстановление репутации. Несмотря на то, что товарищеские суды стали для работников еще одним доступным пространством защиты чести и достоинства, новый институт нередко подвергался критике, в том числе со стороны чиновников НКЮ. Бюрократизация товарищеских судов вскоре начала рассматриваться как проблема: товсуды увлекались штрафованием, предпочитая его другим взысканиям морального характера. Критике подвергалась и их репрессивность. Истоки последней нарком юстиции Николай Янсон увидел в «настроениях отдельных рабочих, видящих в репрессии единственное оружие борьбы»²⁸. По этой причине судам предлагали расширить спектр не репрессивных, а воспитательных мер воздействия для общественно-морального воздействия и примирения конфликтующих сторон²⁹.

К началу 1930-х годов выдохлась и медиакампания в поддержку товарищеских судов. «Трибуналы пролетарского общественного мнения» и «социалистическая совесть завода» скромно «прозябали» где-то «на вторых ролях» в общей системе заводских общественных организаций. Корреспонденты отмечали, что работу судов затыкают куда придется, «между собраниями и кампаниями»³⁰. Заседания часто срывались – то рабочие или заседатели не получали уведомления, то помещения было заняты³¹. Товарищеские суды поздно реагировали на нарушения – когда на виновного уже было наложено дисциплинарное взыскание. На многих предприятиях товсуды просто отсутствовали или существовали фиктивно, как, например, на вагоностроительном заводе имени Егорова, где за год было разобрано всего одно дело. Один председатель завкома так описывал компетенцию товарищеского суда: «Двинул товарищу в морду – заплати в МОПР 3 рубля: вот это и есть товарищеский суд». В вышеупомянутых проблемах обнаруживали ответственность профорганизаций и председателей товсудов³².

Дополняло такую оценку и невысокое число рассмотренных судами дел. В Москве за первый год были разобраны всего 118 дел, что было характерным и для других регионов трендом (Островский 1929). Из-за их ограниченной подсудности в среднем на один товарищеский суд на момент весны 1929 года приходилось всего 2–3 дела. К тому же у работников все еще оставалась возможность обра-

²⁸ ГАРФ, ф. 1235, оп. 74, д. 391, л. 74, Итоги и выводы о работе товарищеских судов и примирительных камер, 1929.

²⁹ Там же, л. 73.

³⁰ *Суд идет*, 1930, 4:15.

³¹ *Суд идет*, 1930, 5.

³² *Суд идет*, 1930, 14:16–19.

тяться в народный суд как суд общей юрисдикции³³. Таким образом, товарищеские суды стали общественным пространством для защиты своей чести, однако на практике, судя по количеству разобранных дел, лишь небольшое число рабочих воспользовались такой опцией публичного разрешения персональных конфликтов. Товарищеский суд на этом этапе соответствовал всем формальным критериям социалистического общественного суда (судьи-рабочие, общественное обсуждение, контекстуализация нарушения). Кроме того, он был гибким, бескодексным и быстро вбирающим в себя разные практики. Тем не менее этот гибкий институт социалистической законности все же мало способствовал расширению прав и возможностей его акторов. К тому же в повестку судов уже начали просачиваться дисциплинарные дела – сначала по локальной инициативе, потом официально. Летом 1929 года был опубликован декрет³⁴, расширяющий подсудность товсудов на трудовую дисциплину, кражи и другие мелкие дела.

Неэффективность общественных судов привела к их «колонизации» государством³⁵, что имело разные последствия. Сначала я рассмотрю сопутствующее этим изменениям усиление социального контроля, а затем – эмансипаторный потенциал, открывшийся в этой новой дисциплинарной роли товарищеских судов. Такой потенциал был результатом широких контекстуализаций в рамках товарищеского судопроизводства, что способствовало появлению новых практик, впоследствии законодательно закрепленных. Так, сначала не предполагалось, что семейные и дисциплинарные дела будут рассматриваться товарищескими судами, но впоследствии к их компетенции такие дела отнесли. Между тем даже в новых положениях обнаруживалось нечеткое выделение субъектов правонарушений, а также смешение субъектов семейного и трудового права (Факурдинова 2019б:40). Такая неопределенность в целом была характерна для товарищеских судов и приводила к гибкости в применении мер воздействия.

Товарищеские суды на первом этапе не представляли собой значимого локального органа, однако сам суд показал, что он может быть тем подвижным инструментом, который законодатели способны использовать в своих интересах, таких же нестабильных и меняющихся, как и принципы социалистической законности. Сначала для разгрузки народных судов, далее – для повышения дисциплины в условиях индустриализации.

³³ Народный суд мог в соответствии с существующим законодательством направить рассматриваемое им дело в фабричный товарищеский суд, если конфликт произошел между коллегами. Однако детали этого процесса опять же не были инструктивно определены. Обратный процесс передачи из товарищеского в народный суд был более прояснен – при установлении, что преступление не подведомственно товарищескому суду, или заслуживает более суровой меры воздействия, дело должно быть передано в суды общей юрисдикции.

³⁴ Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 26 августа о расширении компетенции товарищеских судов. *Собрание узаконений РСФСР*, 1929, 67:662.

³⁵ Метафора из Merry and Milner 2010.

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ ТОВАРИЩЕСКИХ СУДОВ

Особенно стремительно повестка и компетенции товарищеских судов начали меняться после подведения некоторых итогов первого года первой пятилетки. ВЦСПС выпустил обращение, где «вредителями социалистического соревнования» были названы не только «бюрократ и фактический вредитель производства», но и прогульщики, лодыри, пьяницы, хулиганы, рвачи, шкурники и пр. Было принято решение, что опорным пунктом борьбы за «жесткую» трудовую дисциплину должны стать товарищеские суды, призванные организовывать вокруг себя общественное мнение цехов³⁶. Так началась государственная кампания по повышению трудовой дисциплины, в ходе которой товарищеские суды «перевозвооружились»: теперь они не разгружали народные суды от дел частного обвинения, а способствовали ударному выполнению промышленно-финансового плана. После состоявшегося летом 1930 года XVI съезда партии и в ответ на обращение ЦК в печати начали писать о том, что товарищеские суды должны «перестроиться под углом борьбы за основные коллективные интересы великой социалистической стройки»³⁷. Судя по всему, фабрика как особая зона со своей производственной материальностью и дисциплинарным порядком, в отличие от сельской местности (Solomon 2012), не смогла стать пространством для разрешения повседневных бытовых конфликтов. Поэтому дисциплина стала основной публичной повесткой товарищеских судов, расширив тем самым их компетенцию. В результате этого поворота в 1930 году количество дел о дисциплинарных нарушениях составляло 20% от всех дел, в 1931 году – 50%, а в 1932 году – уже 60% (Вольдман 1969). После 1932 года процент дисциплинарных дел начал снижаться.

8 сентября 1930 года ВЦСПС выпустил собственное постановление о товарищеских судах³⁸. В соответствии с ним на одном предприятии или учреждении могли одновременно существовать два общественных суда – товарищеский бытовой (подконтрольный НКЮ, с компетенцией и правами, определяемыми законодательством соответствующей республики) и производственный (подконтрольный ВЦСПС). Новые производственные суды должны были разбирать только дисциплинарные нарушения, но уже по собственной инициативе. Они даже имели возможность увольнять работника без согласования с администрацией, тем самым создавая последней серьезный противовес. Это говорит о том, что принцип единоначалия на производстве не был абсолютным и профсоюзные чиновники манкировали им при предоставлении полномочий товарищескому суду. Постановление ВЦСПС противоречило еще и Кодексу законов о труде 1922 года и провоцировало неразбериху на производстве (Вольдман 1969:140). Таким образом, ВЦСПС пытался создать и контролировать товарищеские суды в своих интересах, в том числе оспаривая власть администрации. Подвижные границы компетенции товарищеских судов имели свои преимущества для различных органов власти и их потребностей.

³⁶ *Суд идет*, 1930, 10:3.

³⁷ *Суд идет*, 1930, 23–24:28.

³⁸ *Труд*, 9 сентября 1930 г.

Из-за вызванной постановлением ВЦСПС неразберихи после ряда обсуждений на уровне собраний председателей судов, президиума ВЦСПС и НКЮ было принято решение создать единый производственно-товарищеский суд, который боролся бы как с нарушениями трудовой дисциплины, так и с бытовыми проступками, подрывающими дисциплину труда. Это было зафиксировано в 1931 году в новом постановлении о реформе товарищеских судов³⁹. Если в учредительном постановлении 1928 года дела о трудовой дисциплине вообще не были упомянуты среди судебных полномочий, то для новых производственно-товарищеских судов, как они теперь назывались, важнейшим типом разбираемых дел значились именно нарушения дисциплины. В результате единый суд должен был появиться на всех предприятиях с числом работников более 100 человек. В состав суда должны были избираться рабочие-ударники.

Судам предлагалось рассматривать прежде всего дела, имеющие общественно-политическое значение. Контекстуализировать нарушение как общественно важное должны были фабрично-заводские профсоюзные комитеты, поэтому контекстуализация происходила уже на уровне квалификации поступка как нарушения – достойно ли оно того, чтобы быть рассмотренным на товарищеском суде. Последние теперь не могли увольнять работников, они могли лишь ставить вопрос об этом. В соответствии с постановлением 1931 года, дела подлежали разбору в товарищеском суде лишь с согласия администрации. Так самостоятельность органа была поставлена под сомнение.

СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ НАД УВОЛЬНЕНИЕМ И МАТЕРИАЛЬНЫМ ОБЕСПЕЧЕНИЕМ

Товарищеские суды, будучи органом, призванным разбирать в первую очередь дела частного обвинения, уже в 1928–1929 годах так или иначе приступили к делам о дисциплинарных нарушениях. Для того чтобы яснее продемонстрировать сам механизм работы товарищеских судов, отсутствие единства мнений на нем, а также широкий спектр возможностей интерпретации понятия дисциплины, я обращаюсь к делу работника московского завода «Красный пролетарий» по фамилии Михайлов, который в 1930 году был осужден за несколько дней прогулов. Товарищеское заседание, как водится, было выстроено как обсуждение, в ходе которого каждый присутствующий мог высказаться и предложить меры взыскания или основания для оправдания. Как заявил обвиняемый, причиной его прогулов стало то, что ему надоело «мучиться на несчастном трамвае» по пути на работу и обратно, из-за чего он каждый день «непроизводительно тратил времени три часа»⁴⁰. Именно из-за этого он хотел уволиться с завода, однако администрация ему отказывала, в том числе и через расценочно-конфликтную комиссию, куда он подавал

³⁹ *Свод узаконений РСФСР*, 1931, 14:160.

⁴⁰ ГАРФ, ф. 5451, оп. 14, д. 334, л. 6, Товарищеский суд над прогульщиками на заводе «Красный пролетарий», 17 ноября 1930 г.

жалобу. Рабочая часть комиссии была согласна с истцом, однако административная заявила, что раз все ездят, то это не может быть поводом к увольнению⁴¹.

Михайлову задали множество вопросов, проясняющих контекст нарушения: просил ли он другую квартиру; почему не взял официальный перевод на другой завод; почему не направил свое заявление об увольнении дальше. Ответчик убедительно ответил на все вопросы: объяснил, что при переезде в другую квартиру долго ехать на работу придется его жене; официальный перевод не взял, потому что на другом заводе свои правила и ему могут отказать в приеме; заявление не продвинул, потому что никогда не мог застать представителя завкома профсоюзной ячейки на рабочем месте. Представитель расценочно-конфликтной комиссии подтвердил, что условия у Михайлова плохие, он «измаялся»; то же подтвердили его сослуживец и сосед по квартире.

Характерно, что Михайлов позиционировал себя как сознательного работника, беспokoящегося о своем свободном времени. Он говорил, что хотел бы пойти на какие-то курсы, но не успевал, потому что возвращался с вечерней смены в 10 вечера, а ведь «надо побыть дома 2 часа, попить чай и отдохнуть»⁴². После этих слов часть товарищей возмутились тому, что свои личные интересы он ставит выше заводских. Кроме того, Михайлова упрекнули в том, что он выказал свое недоверие коллективу и обратился за помощью не к общественным организациям (проф- и партячейке), которые бы ему помогли, а сразу к администрации. Комментарии о поддержке и осуждении Михайлова на заседании сменяли друг друга. Один из товарищей, развивая аргумент Михайлова о непроизводительном потраченном времени, обратил внимание, что от таких поездок эффективность труда только падает, а Михайлов молод, хочет учиться и самосовершенствоваться. Он заключил, что все, кто обвиняют работника, не правы, и нужно помочь ему устроить свою жизнь. Один из производственных активистов, напротив, заявил, что Михайлов заслуживает самого сурового осуждения. Ему удалось выяснить, что около четверти рабочих завода тратят не менее часа на дорогу на работу, и вопрошал, что же произойдет с социалистическим строительством и выполнением промфинплана, если каждый из испытывающих подобные трудности повторит поступок Михайлова. Назвав поступок ответчика саботажем, он предложил решать проблему с обеспечением рабочих жильем не анархическим, а организованным путем: поставить в каждом заводском комитете вопрос о переселении рабочих из одних районов в другие, чтобы этот вопрос был разрешен организованно в общегородском масштабе. Как видно, все участники процесса по-разному контекстуализировали обсуждавшееся нарушение.

Представитель завкома, которого Михайлов никак не мог ранее поймать на рабочем месте, тоже поддержал обвинение. Он заметил, что трамвай не снижает производительность, а наоборот, «сохраняет мускульную энергию». Более того,

⁴¹ РКК представляла собой орган для разбора жалоб работников и состояла из рабочей и административной части с равным представительством.

⁴² ГАРФ, ф. 5451, оп. 14, д. 334. л. 10, Товарищеский суд над прогульщиками на заводе «Красный пролетарий», 17 ноября 1930 г., л. 6–17.

выступающий отметил, что от подобных поступков страдает не администрация, а промфинплан, и заключил, что сам Михайлов не обрел пролетарского духа, притом что его профессия очень ценна для производства. Это объясняет, почему у Михайлова возникли трудности с тем, чтобы покинуть предприятие. Подобные дела о прогулах, совершенных для получения увольнения, в товарищеских судах не были редкостью. Администрация, несмотря на существующие трудовые права рабочих, манкировала ими, чтобы сохранить квалифицированных работников и темпы производства⁴³. Прогулы зачастую были не дерзким пренебрежением работой, а вынужденной мерой и единственной возможностью получить увольнение. Тем не менее этот произвол администрации на локальном уровне старались ограничить: когда жалобы отдельных упорных рабочих на подобные нарушения администрации выходили на союзный уровень, Наркомат труда обычно занимал сторону рабочих⁴⁴.

В рассмотренном случае разнообразие аргументов в рамках товарищеского обсуждения демонстрирует, насколько неоднозначно можно было контекстуализировать одно и то же нарушение и как аргументы разных участников заседания сталкивались друг с другом. Михайлова обвиняли в рвачестве, одновременно ему сочувствовали, а самой проблеме придавали общественное значение. Однако в деле Михайлова такая широкая контекстуализация никак не помогла и «административный подход» возобладал. Как показал Роберт Хейден, именно отсутствие автономии и невозможность оспорить уже сложившиеся на производстве структуры власти не позволяли товарищеским судам, находящимся в пределах фабричного пространства, противостоять административному порядку (Hayden 1986). Суд постановил оставить Михайлова на работе. С одной стороны, такое решение можно счесть мягкой мерой взыскания, но именно это и было для ответчика наказанием. Такая мера воздействия, безусловно, плохо сказывалась на благополучии рабочего и осуждалась, как было упомянуто выше, профсоюзными чиновниками. В условиях, когда предприятие обеспечивало потребности рабочих, касающиеся продовольствия, жилья и здравоохранения (Straus 1997), риски для последних в товсудах увеличивались. Товарищеский суд становился инструментом социального контроля не только как орган для повышения рабочей дисциплины силами самих рабочих, но и как средство перераспределения производственных ресурсов.

РЕПРЕССИВНОСТЬ «ПОКАЗАТЕЛЬНОСТИ»

В некоторых случаях работники обвиняли в своих прогулах государство, однако сразу же подвергались осуждению. Такая критика была возможна на товарищеских судах, но для нее должен был сложиться благоприятный контекст (см. след. параграф). На «Красном Путиловце» работник прогулял несколько дней и пытался оправдать свою неявку тем, что ему не выдали спецодежду и, следовательно, он

⁴³ Яннис Кокосалакис (Kokosalakis 2021) показал, что политика администрации не была идентична политике партийных и общественных органов.

⁴⁴ ГАРФ, ф. Р-5515, оп. 20, д. 162, Материалы по расследованию причин неправильного увольнения с работы, 1933.

не мог идти на работу голым. Остальные прогулы он объяснил тем, что «был в очереди, проспал, прогулял», «ведь нигде ж ничего нет. Вы сначала торговлю дайте, чтоб можно было прийти и купить чего хочешь... Так что не могу я признать своей полной вины. Вот и выходит, что наполовину я виноват, а наполовину – вы сами». Суд спросил, кто же эти «мы». «Государство», – ответил слесарь. Общественный защитник парировал это тем, что рабочий – тоже государство. В ответ работник заметил, что государство-то, может, и рабочее, но те, которые «управляют [...], выше рабочих». Взгляды работника посчитали меньшевистскими, а его самого – «иждивенцем», который только нанимается к рабочему государству⁴⁵. Пока суд после разбора этого и других прогулов удалился на совещание, за свой труд были награждены 29 лучших ударников: так вместе с «парадом прогульщиков» был проведен и парад правильных работников. В итоге суд постановил, что антипролетарское отношение к труду привело к прорыву промфинплана и недодаче государству около 1200 тракторов. Работникам вынесли приговор с поднятием вопроса об увольнении и исключении из профсоюза. Необходимо при этом учесть, что вышеупомянутые дела разбирались на показательном выездном заседании товарищеского суда в Доме культуры Московско-Нарвского района с назначенным общественным обвинителем и обозначением обвиняемых «подсудимыми». Так, формализм был возвращен этому все еще «бескодекстному» суду, в котором по-прежнему не было установлено связи между нарушением и санкцией.

Показательность, как правило, была связана с политическими обвинениями, однако суды на местах в гораздо меньшей степени были активными в таких делах. На основе протоколов товсудов на Электрозаводе за 1930–1932 годы можно отметить следующую динамику. Классическими обвинениями в 1930 году были обвинения в невыдержанности, несознательности, отсутствии общественной деятельности, отрыве от массы, дезертирстве с производства, нанесении оскорблений, производстве бракованной продукции, задолженности, краже вещей из дома отдыха, высокомерном отношении к другим рабочим, дебоширстве в магазине, систематических опозданиях, халатности⁴⁶. В 1931 году на первом заседании товарищеского суда цехового мастера обвиняли не только в пьянстве и «зажиме» других рабочих, но и в том, что тот являлся бывшим кустарем и придерживался «линии троцкизма». Причины последнего обвинения, правда, не были прояснены⁴⁷. Это единственный случай упоминания троцкизма в делах товсудов Электрозавода. Суд постановил предложить администрации снять рабочего с должности и созвать комиссию для выяснения подробностей. В 1932 году риторика того же суда была сосредоточена на «злостных» прогулах и невыполнении промышленной программы. Но даже эти обвинения могли привести только к штрафу при раскаянии, наличии стажа или отсутствии взысканий. Тем не менее на общественно-показатель-

⁴⁵ Суд идет, 1930, 19–20:21.

⁴⁶ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 609, Заседания товарищеских судов, Электросила, январь – декабрь 1930 года, л. 4.

⁴⁷ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 860, Заседания товарищеских судов, Электросила, январь 1931, июнь – декабрь 1932 г., л. 1.

ных заседаниях контекстуализация нарушений становилась гораздо более идеологически насыщенной: «Суд считает установленным, что в момент, когда весь коллектив цеха напрягал свои усилия на выполнение июльской программы решающего месяца 4-го завершающего года пятилетки, вышеназванные товарищи своими систематическими прогулами сорвали выполнение программы цеха»⁴⁸. Признавших свою вину оштрафовали, а в отношении остальных был поставлен вопрос об увольнении.

Единственным непоказательным⁴⁹ и при этом насыщенно политическим среди всех описанных в протоколах фондов Электрозавода было заседание, в процессе которого установили, что обвиняемый «является выходцем из интеллигентной семьи, ставил себя по отношению к коллективу выше всех, это неприятельское отношение к производству и администрации приняло безобразное отношение». Под этим подразумевались несоблюдение рабочего графика, невыполнение распоряжений, а также попытка окружить себя единомышленниками на предмет установления «не революционной свободы человека, а свободы буржуазного общества»⁵⁰. До этого, сообщает протокол, работник был уволен с других заводов, где «сплоченные коллективы не могли его перевоспитать». Было постановлено, что нарушитель не может быть членом рабочей семьи и должен быть уволен. Это дело представляет собой исключение из правила и, кажется, вопиющий для товарищеских судов случай нарушения дисциплины. Риторика судов обычно была политической не в смысле разоблачений политических биографий, а «кампанейской»: она менялась в зависимости от проводившейся в то время кампании, например, против прогулов или за выполнение промфинплана, и более отчетливой она становилась на показательных заседаниях.

Параллельно с этой формализацией и политизацией происходит одновременный процесс изъятия отдельных дисциплинарных нарушений из компетенции товарищеских судов. Например, после постановления ЦИК и СНК СССР от 15 ноября 1932 года за один день прогула без уважительных причин работник мог быть уволен решением администрации (Гришин 1936:144)⁵¹. Аналогичная санкция предполагалась и по закону от 7 августа 1932 года о кражах производственного имущества⁵². На Первом Всесоюзном совещании производственно-товарищеских судов участники просили представителей НКЮ и ВЦСПС разрешить товсудам рассматривать дела о кражах на предприятиях в размере ущерба до 100 рублей. Инициаторы этого проекта предусмотрительно добавили важную деталь: при установ-

⁴⁸ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 860, Заседания товарищеских судов, Электросила, январь 1931, июнь – декабрь 1932 г., л. 12.

⁴⁹ По крайней мере, протокол на это не указывает.

⁵⁰ ЦГА Москвы, ф. 2090, оп. 1, д. 860, Заседания товарищеских судов, Электросила, январь 1931, июнь – декабрь 1932 г., л. 22.

⁵¹ Как сообщает Зиновий Гришин (1936), в 1932 году число покинувших предприятие по собственному желанию или уволенных за нарушения внутреннего распорядка составляло более 50%.

⁵² «Постановление ЦИК и СНК СССР от 7 августа 1932 г.», *Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР 1932 г.*, 62:360.

лении, что лица, совершившие хищения, являются классовыми врагами, дела о кражах будут направлены в судебные органы. Судя по очередному постановлению, вышедшему 27 февраля 1933 года, эта просьба не была удовлетворена, а компетенция товарищеских судов была сужена (Вольдман 1969:186). Теперь они могли разбирать дела о кражах, только если те были совершены впервые.

Товарищеские суды, в условиях НЭПа бывшие «проводниками» интересов Наркомата юстиции, теперь стали институтом социального контроля и мыслились как органы, обеспечивающие дисциплинарный контроль во время стремительной индустриализации. Суд становился более формально организованным, однако широкая контекстуализация в отсутствие соответствий между санкцией и нарушением позволяла, в одном случае, при непризнании вины и нелояльности к суду, ужесточить санкцию, а в другом – смягчить. Такое смягчение, однако, часто обозначало вынесение штрафа, ограничение по снабжению и пр. К тому же благополучие рабочего зависело от его положения и статуса на производстве, что товарищеский суд часто использовал в своих постановлениях. Новые производственно-товарищеские суды, как и бытовые ранее, не смогли ограничиться исключительно воспитательными мерами, прибегнув к ограничениям доступа рабочих к благам, почти всеми из которых распоряжалась администрация. Однако для работников оставалась одна лазейка: товарищеский суд все же мог предоставить им возможности эмансипации и выхода из этого поля социального контроля, изначально направленного только на них.

РАБОЧИЙ КОНТРОЛЬ: ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОТИВ АДМИНИСТРАЦИИ

Одной из особенностей этого момента, идущей вразрез с тенденцией к превращению товарищеских судов в институт социального контроля, становились дела о допущенном браке, характерные только для промышленного производства. Оно было определяющим пространством советской идеологии, потому что именно там, в соответствии с теорией коммунизма, был сосредоточен пролетариат и именно оттуда берут начало коммунистические способы рациональной коммуникации – воспитательной, а не репрессивной. Воспитательная функция, как показано выше, не всегда последовательно реализовывалась. Тем не менее протоколы товарищеских судов показывают, что обсуждение таких нарушений, как, например, брак могло иметь специфический характер.

На «Красном пролетарии» в 1930 году рассматривалось дело по браку, где наблюдалась динамика, похожая на таковую в разобранным выше деле Михайлова⁵³. Нарушение заключалось в том, что работник Абов выпустил 110 бракованных шестеренок. Администрация вынесла ему выговор с предупреждением и передала дело в товарищеский суд, который должен был только предать этот проступок общественному осуждению. На заседании Абов активно защищал свою профессиональную честь. Он принес бракованные детали и заявил, что не согласен с формулировкой выговора про массовый брак, так как это был единичный случай. Заказ на эти дета-

⁵³ ГАРФ, ф. 5451, оп. 14, д. 334, Товарищеский суд над прогульщиками на заводе «Красный пролетарий», 17 ноября 1930 г., л. 20–33.

ли поступил к нему без чертежей и нарядов, о чем он доложил мастеру и далее ориентировался на строение уже бывшей в обработке детали. Кроме того, для работы он взял лучший в цеху инструмент, но даже лучший оказался негодным. Он также добавил, что на других заводах совершенно иная методика обработки деталей, которая не допускает подобного брака. Абов даже обратился к суду с просьбой наложить на него самое суровое взыскание, если у них в цеху найдется хоть один годный инструмент. Главной претензией к Абову оказалась высокая скорость станка, на которой он предпочитал работать, что посчитали погоней за «длинным рублем», то есть расчетом на получение более высокой зарплаты. Абов же ответил, что опровергать обвинения в рвачестве он считает ниже своего достоинства. В связи с вышесказанным выступавший по поручению политкружка товарищ высказался, что Абову нужно вынести суровый приговор в отношении него как «бракодела» и рвача.

Тем не менее большинство товарищей на заседании утверждали, что Абов являлся хорошим рабочим. Всем было известно, что его станок отдавали в ремонт уже дважды. Что характерно, вопросы участников заседания были адресованы не только Абову, но и мастеру, принявшему такой станок, а также инструктору, которому Абов показывал свои детали. Мастер заявил, что сначала брака в таком объеме не было, а на вопрос о том, можно ли на этом станке делать детали без брака, ответил, что только с существенными временными затратами. Товарищи обращали внимание на множество факторов: что такой брак скажется и на других инструментах; на отсутствие четких технических требований к выполнению деталей; критиковали контрольный отдел, который то принимает, то не принимает одинаковые детали. Так, ответственность за брак была распространена и на контрольный отдел. Один из товарищей напрямую сказал, что эта проблема не персональная, а производственная, призвал послушать Абова и усовершенствовать технологию работы. Другой товарищ тоже защищал Абова, утверждая, что, работая на высокой скорости, он только хотел повысить производительность, и тоже признал, что ответственность в этом деле скорее цеховая и нужно коснуться общих условий работы.

Так, выступление Абова, а также вопросы и комментарии товарищей способствовали тому, что это обсуждавшееся нарушение было контекстуализировано не как личная ошибка, а как проблема цеха и его администрации, что в принципе является рабочим контролем. Слова Абова и других товарищей о том, что «наши станки – это зло для рабочего» и «наши инструменты не отличаются особой точностью», являются примерами публичной критической речи в адрес советского производственного порядка. В заключение Абов сказал, что выговор для него не проблема⁵⁴, а его основная задача состоит в том, чтобы проблемы с инструментом и контрольным отделом были решены. В результате товарищеским судом было принято решение организовать комиссию по проверке инструментов и только затем снова поставить на товарищеском суде вопрос о браке.

Этот случай показывает, в каком смысловом пространстве могла реализовываться критика советского производственного порядка в разгар индустриализации,

⁵⁴ ГАРФ, ф. 5451, оп. 14, д. 334, л. 32, Товарищеский суд над прогульщиками на заводе «Красный пролетарий», 17 ноября 1930 г.

что слабо согласуется с распространенными в историографии представлениями о рабочем как молчаливой жертве государства, заводской администрации и коллектива одновременно. В данном же случае товарищеское разбирательство предстает не только как способ обвинения отдельных нарушителей, но и как инструмент широкого расследования технологических ошибок в организации производства, в процессе которого часто вскрывалась вина управленцев разного уровня.

Критический взгляд товарищей не на сослуживцев, а непосредственно на саму администрацию был способом превратить институт социального контроля в инструмент рабочего контроля. Законодательство по товарищеским судам оставляло лазейку для таких интерпретаций. Хотя общепринятым было представление о том, что администрация не подлежит такому суду, Вольдман заметил, что напрямую в инструкциях это прописано не было (Вольдман 1969), что в отдельных случаях позволяло судам привлекать и администрацию. После запроса на Первом съезде работников производственно-товарищеских судов было выпущено постановление ВЦСПС и НКЮ⁵⁵, разрешающее судам по согласованию с администрацией рассматривать дела о нарушениях административно-технического персонала, вплоть до мастера. Порядок рассмотрения дел определен не был (Вольдман 1969).

Эффективными акторами противодействия администрации на производстве становились отдельные профсоюзные и партийные организации. Профсоюзы с самого 1929 года выступали против учреждения товарищеских судов, опасаясь, что такие дополнительные «склочные» функции подорвут авторитет профорганов, призванных не судить, а защищать интересы своих членов и разбирать дела только между рабочими⁵⁶. Что касается партии, то историк Яннис Кокосалакис (Kokosalakis 2021) показал, как даже в условиях единоначалия советские менеджеры были лишены абсолютной власти на производстве, а партийные организации на местах представляли собой отдельную политическую организацию, чьи интересы нельзя приравнивать к интересам государства и власти в широком смысле слова.

ИЖОРЦЫ ПРОТИВ АДМИНИСТРАЦИИ И ПРОИЗВОДСТВЕННОГО БЕСПОРЯДКА

В отчетах за 1932 год профсоюзные работники часто жаловались, что сами рабочие редко обращались в суд, а большинство дел инициировали администрация и общественные органы. Несмотря на такую тенденцию, для рабочих существовали и иные судебные опции. Одним из ярких примеров их активности стала работа товарищеских судов на Ижорском заводе в Ленинграде. Деятельность местных товсудов популяризировалась на всесоюзном уровне – в частности, была выпущена специальная брошюра об их эффективности, данные из которой подтверждаются архивными источниками. На заводе работники возбуждали дела против административных сотрудников, занимавших должности выше мастера, несмотря на то, что

⁵⁵ *Труд*, 2 апреля 1933 г.

⁵⁶ ГАРФ, ф. 1235, оп. 74, д. 391, л. 68, Итоги и выводы о работе товарищеских судов и примирительных камер.

такая возможность не была напрямую предусмотрена инструкциями. Административные и цеховые организации считали это умалением своих полномочий и нарушением принципа единоначалия, но представители ижорских судов указывали, что их суды одинаково относятся ко всем независимо от занимаемой должности⁵⁷.

Работа суда на Ижорском заводе хоть и привычно выходила за пределы доминирующих интерпретаций инструкций, но тем не менее была развернута завкомом под руководством партийного комитета, то есть под началом местных общественных организаций, выступавших таким образом в качестве противовеса администрации. Их успех был результатом совместного контроля профсоюзных и партийных ячеек над судами, предоставления им широкой инициативы, а также создания актива судей-«энтузиастов» (Епифанович 1934). До 1932 года товарищеские суды на заводе отличались вполне привычными проблемами – отсутствием массовости и контроля над выполнением постановлений, увлечением штрафами, неявкой подсудимых, формализмом. Они прибегали даже к принудительным работам, выносили штрафы больше 10 рублей или применяли сразу несколько взысканий. В ответ на призыв партии и правительства общественные органы приступили к реорганизации товсудов. Одним из первых поворотных разбирательств было разоблачение цехового председателя, который «упрямо искал вредительства» после поломки станка рабочим⁵⁸. Последний же был комсомольцем, сыном рабочего, и никаких данных об умышленной порче станка не имелось. После товарищеского заседания, где эти факты были установлены, рабочего восстановили на производстве.

Организационная повестка ижорских товсудов предполагала, что «для правильного разрешения дел суду необходимо исследовать и изучить общую производственную обстановку в цеху, проверить факты, как будто не имеющие прямого отношения к данному случаю» (Епифанович 1934:24). Важно было не избаловать бракодела, а вскрыть недочеты организационного и производственного порядка, ошибки в технологическом процессе, расстановке рабочей силы и инструктировании, а также недостатки в снабжении и пр. Так, товарищеские суды одновременно выступали в качестве активных борцов за промышленно-финансовый план и при этом помогали размыть индивидуальную ответственность отдельных работников, которые вместе со своими нарушениями и ошибками не существовали в вакууме, а были окружены в цеху товарищами, начальниками и машинами⁵⁹.

⁵⁷ ГАРФ, ф. Р-7676, оп. 1, д. 679, Слет работников товарищеских судов машиностроительных предприятий Ленинграда, 1933, л. 9.

⁵⁸ Апелляции к вредительству были характерны не только для обвинений рабочих в сторону администрации, но и в обратную сторону, когда администрация пыталась избавиться от работника. ГАРФ, ф. Р-5515, оп. 20, д. 162, Материалы по расследованию причин неправильного увольнения с работы, 1933, л. 35–36.

⁵⁹ Кокосалакис (Kokosalakis 2021) продемонстрировал в своей статье, что коммунисты во время первой пятилетки стремились обнаружить технологические и организационные проблемы заводской организации на производственных совещаниях, рабочих собраниях и других заседаниях. Товарищеские суды, хотя коммунисты обычно и составляли в них большинство, трудно назвать однозначно партийным органом, поэтому запрос на такую технологическую критику можно адресовать не только коммунистам, но и работникам предприятий вообще.

Стандартные постановления суда были подобны этим: «виновником брака является не только сам бракодел, но главным образом командный состав участка», «товарищеский суд установил развал работы на ответственном участке и разгильдяйство со стороны производственных командиров» (Епифанович 1934:48–49). Брак в результате таких разбирательств действительно уменьшался. Если в мае 1933 года общий процент поломок на «Ижорце» составлял 8,6%, то в октябре снизился до 2,9%, а в течение третьего квартала было вообще всего две поломки (Епифанович 1934:59)⁶⁰. Таким образом, справедливый порядок, жизнеспособность коллектива и профессиональная репутация товарищей были восстановлены путем апелляции к несовершенству машин и цеховой организации в целом. Идея общего дела, участия в соцстроительстве служила реформированию ситуации от осуждения индивида к его включению обратно в коллектив для совместного решения обнаруженной технической проблемы. Таким образом, товарищеский суд представляется еще и своеобразной рефлексией коллектива, демонстрирующей напряжение в ситуации, когда необходимо отделить провинившегося члена коллектива и одновременно стремиться оставить товарища в группе. Не только личность могла быть осуждена коллективом, но и коллектив в этот момент предавал себя суду – за опоздания одного товарища должно быть стыдно всем, потому что они «прозевали, не замечали нарушителя»⁶¹. Таким образом, товарищеский суд позволял коллективу продолжать функционировать и заниматься общим делом, а борьба с материальным беспорядком становилась основой солидарности и рабочего контроля. Несмотря на то, что подобный режим функционирования товарищеского суда не был общепринятым, такая практика была публично признана в том числе на государственном уровне⁶².

Важно сказать, что и тут видно, как государство само поощряло выход за пределы инструкций, обнаруживая свой интерес и в отношении ограничивающей администрации, и в отношении сопротивляющихся (легально) и критикующих рабочих. Симптоматично, что все это происходило в условиях нового пятилетнего плана (1933–1937), в рамках которого производственная политика должна была ориентироваться уже не на самокритику, а на повышение эффективности и менеджериального контроля, а также усиление дисциплины (Kokosalakis 2021:344). Сосредоточенность на дисциплине привела к тому, что работники смогли включить администрацию в контекст разбирательства как одного из ответственных за

⁶⁰ Здесь речь идет о снижении числа поломок по отношению ко всей произведенной продукции, а не уменьшении количества дел о браке в товарищеских судах. Об уменьшении брака на Ижорском заводе также докладывалось на Слете работников ПТС машиностроительных предприятий в Ленинграде. О такой же тенденции сообщали и другие заводы. Нет возможности установить, была ли деятельность товарищеских судов единственной причиной уменьшения брака. См. ГАРФ, ф. Р-7676, оп. 1, д. 679.

⁶¹ ГАРФ, ф. Р-7709, оп. 1, д. 50, л. 11, Протокол № 1 заседания ПТС при Наркомате торговли, 13 июля 1931 г.

⁶² В инструктивных и дидактических публикациях именно такой подход к работе товарищеских судов считался наиболее соответствующим целям этих органов (*В помощь производственно-товарищескому суду* 1932; Нюрина 1933; Епифанович 1934).

нее агентов. Именно гибкость товарищеских судов и доступная в их пределах контекстуализация смогли привести к этому. Тренд, который можно наблюдать в товарищеских судах с 1930 года, – сосредоточенность на дисциплине. При этом имели место разные способы с ней обращаться: репрессивно в отношении работника или же эмансипаторно, включая рабочих в процесс контроля над производством и допуская критику администрации. Дисциплина становилась общим делом, но только при наличии поддержки деятельности товсудов общественными органами и активистами, которые, как правило, были активистами от партии или профсоюзам. Инструкции и постановления не могли продемонстрировать реальную контекстуализацию и гибкость социалистической законности на местах.

ШИРОКИЕ КОНТЕКСТЫ И ГИБКОСТЬ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ ЗАКОННОСТИ

Несмотря на то, что товарищеские суды были учреждены в реалиях НЭПа и предназначались для разрешения личных конфликтов, из-за своей узкой подсудности они быстро оказались включены в дисциплинарный дискурс индустриализации. В отсутствие независимости от администрации товарищеский суд первоначально не стал инструментом эмансипации рабочих, их борьбы за свои права. Однако с включением дисциплины в границы их компетенции произошло расширение подсудности, в том числе и на администрацию. Товарищеские суды, будучи в одном контексте институтом социального контроля, в другом реализовывали множество иных функций, удобных как работникам, так и прочим акторам (партии, профсоюзу, администрации), притом что их интересы и тактики иногда значительно различались. При помощи активистов и общественных органов товарищеский суд становился платформой для критики государства и производственного порядка даже в условиях доминирования принципа единоначалия и борьбы за дисциплину.

Функционирование таких судов зависело от множества факторов: авторитета и независимости местных партийных и профсоюзных ячеек, организовавших эти суды и ставивших перед собой цели поддержки трудящихся или государства; наличия активистов; характера пространства взаимодействия (на промышленных предприятиях, как представляется, было проще перенести фокус с работника на проблемы в организации труда). В каждом отдельном случае практика социалистической товарищеской законности зависела от среды, и баланс сил складывался своим уникальным образом. Несмотря на то, что товарищеские суды были подчинены кампанейской природе советского правосудия, они в силу расплывчатости инструкций и отделенности производства имели больше возможностей для манкирования государственными требованиями, нежели судьи общей юрисдикции⁶³.

Товарищеские суды как один из локусов социалистической законности вмещают в себя широкий спектр собственных автономных тактик, среди которых можно обнаружить бюрократические (обилие штрафов, существование отдельных судов только на бумаге), репрессивные (контроль над дисциплиной и обеспечением ра-

⁶³ Промышленное производство во многих аспектах функционировало как особая система со своим особым легальным порядком (Newton 2014).

бочих), эмансипационные (защита чести и достоинства на рабочем месте, критика администрации, борьба за лучшие условия труда через обращение внимания на беспорядок в организации). При этом контекстуализация нарушения была характерной чертой товарищеского заседания, как, впрочем, и заседания суда общей юрисдикции, который должен был не только разрешить конфликт сторон, но и установить материальную истину, которая может раскрывать и вину жалобщика. Однако при всей этой гибкости социалистической законности в условиях отсутствия автономии товарищеские суды могли стать удобным пространством для коллективной критики администрации, но не для индивидуального разбирательства. Дела о случаях брака и поломках обеспечивали единство и солидарность рабочего сообщества, трансформируя конфликт между товарищами в конфликт между товарищами и администрацией. Несмотря на то, что товарищеский суд с поворотом к дисциплине стал инструментом социального контроля, советские рабочие и общественные организации порой могли и его преобразовать в институт сопротивления режиму индивидуальной вины, которую им пытались навязать.

С другой стороны, несмотря на все государственное и общественное внимание, дисциплинарные дела так и не стали основной повесткой товарищеских судов, а бытовые по-прежнему оставались в их юрисдикции. Различные статистические данные, несмотря на ряд расхождений, демонстрируют, что бытовые недисциплинарные дела составляли большую часть рассмотренных во все годы работы товсудов дел, возможно, за исключением 1932 года (Епифанович 1934:31; Вольдман 1969:186; Butler 1972:202). Характерным обстоятельством оказывается то, что дела частного обвинения не исчезли из товарищеских судов и составляли примерно такую же четверть всех дел по всем республикам, а в Украинской ССР – вообще 40% от всего числа⁶⁴. Впечатление, что все товарищеские суды стали сугубо дисциплинарными органами, таким образом, оказывается ложным. Меж тем именно дисциплинарные дела находились в центре внимания государственных и партийных органов – о них спорили в ЦК союзов и в печати, обращая мало внимания на дела частного обвинения, по-прежнему важные для работников. Тем не менее отсутствие прежнего внимания государственных органов к товарищеским судам и огромное, хотя и, возможно, преувеличенное⁶⁵, их число к концу 1930-х годов говорит о том, что они функционировали и без государственного принуждения – в оставшемся без внимания пространстве социалистической законности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бутовский, Алексей. 1907. *О школьном товарищеском суде*. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича.
- Великанова, Ольга. 2021. *Конституция 1936 года и массовая политическая культура сталинизма*. М.: Новое литературное обозрение.
- Вольдман, Юрий. 1969. «Товарищеские суды на предприятиях, в учреждениях и организациях». Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Всесоюзный юридический заочный институт, Москва.

⁶⁴ ГАРФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 813, л. 4.

⁶⁵ 45 тысяч судов существовали в соответствии со статистикой, приведенной Уильямом Батлером (Butler 1972). Около 20 тысяч в 1938 году в соответствии с данными Сектора судебной статистики. ГАРФ, ф. Р-9492, оп. 1, д. 813, л. 4.

- Гришин, Зиновий. 1936. *Советское трудовое право*. М.: Советское законодательство.
- Журавлев, Сергей и Михаил Мухин. 2004. «Крепость социализма»: повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М.: РОССПЭН.
- Епифанович, Владимир. 1934. *Товарищеским судам – опыт ижорцев*. М., Л.: Изд. и тип. Профиздата.
- Икорский, Павел. 1966. «Организация и деятельность товарищеских судов в первые годы советской власти (1917–1922 гг.)». Автореферат диссертации кандидата юридических наук, юридический факультет, Московский государственный университет.
- Ильин, Никифор. 1916. *О воспитании общественности в школе*. М.: Тип. Московское гор. Арнольдо-Третьяковское училище глухонемых.
- Исаев, Виктор и Дмитрий Михеев. 2018. «Товарищеские суды в Сибири в годы первых пятилеток». *Гуманитарные науки в Сибири* 25(2):110–114. <https://doi.org/10.15372/HSS20180220>.
- Карась, Яков. 1897. «Школьное товарищество. Из записок народного учителя». *Русская школа* 3:100–116.
- Кашанин, Андрей. 2013. «Неопределенность права и усмотрение правоприменителя как ограничители использования централизованных методов регулирования». *Вопросы государственного и муниципального управления* 4:19–36.
- Кодинцев, Александр. 2007. «Споры о роли и месте народных и общественных судов в судебной системе СССР в середине 30-х годов XX века». *Российская юстиция* 2:45–47.
- Кодинцев, Александр. 2008. *Государственная политика в сфере юстиции СССР. 30–50-е годы XX века*. Куртамыш: Куртамышская тип.
- Кодинцев, Александр. 2009. «Общественные суды в СССР в 30–50-е годы XX в.». *Администратор суда* 4:43–48.
- Кодинцев, Александр и Денис Шкаревский. 2019. «Органы специальной юстиции советского государства как инструмент защиты власти». *Вестник Томского государственного университета. История* 59:29–39. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/4>.
- Кожевников, Михаил. 1957. *История советского суда. 1917–1956*. М.: Госюриздат.
- Коллманн, Нэнси. 2016. *Преступление и наказание в России раннего Нового времени*. М.: Новое литературное обозрение.
- Лезов, Игорь. 1998. «Советский суд в 1917–1940 гг.». Диссертация кандидата юридических наук, Московский государственный университет.
- Москаленко, Георгий и Михаил Тимофеев. 1929. *Товарищеские суды: Пособие для товарищеских судов на фабрично-заводских предприятиях, в госуд. и общественных учреждениях, для фабзавместкомов и судебных работников*. М.: Юрилич. изд-во НКЮ РСФСР.
- Назаренко, Татьяна. 2006. «Неопределенность в российском праве». Автореферат диссертации кандидата юридических наук, Российская академия правосудия, Москва.
- Нюрина, Фанни. 1933. *Производственно-товарищеские суды на новом этапе*. М.: Советское законодательство.
- Островский, Владимир. 1929. «Ближайшие перспективы работы товарищеских судов». *Еженедельник советской юстиции* 21:482–484.
- Пирогов, Николай. 1953. *Избранные педагогические сочинения*. М.: Изд-во Акад. пед. наук РСФСР.
- Смыкалин, Александр. 2002. «Судебная реформа 1922 года». *Российская юстиция* 4:39–42.
- Соломон, Питер. 2008. *Советская юстиция при Сталине*. М.: РОССПЭН.
- Старун, Мария. 2021. «“Национализация” обобщественной дисциплины: товарищеские суды в Советской России в 1917–1922 гг.». *Cahiers du monde russe* 4:553–580. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12659>.
- Сурилов, Алексей. 1963. *История государства и права Молдавской ССР (1917–1959 гг.)*. Кишинев: Карта молдовеняскэ.
- Суязов, Вячеслав. 2020. «Товарищеский суд РСФСР: правосудие и справедливость?» *Образование и право* 9:475–480. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-00619>.

- Факурдинова, Алла. 2019а. «Квасисудебные органы советской системы (историографический аспект)». *Manuskript* 12(10):113–117. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.10.21>.
- Факурдинова, Алла. 2019б. «Правовая основа деятельности товарищеских судов (1920-е – начало 1930-х гг.)». *Право: история и современность* 4:33–43. <https://doi.org/10.17277/pravo.2019.04.pp.033-043>.
- Фельдман, Давид. 2016. *Терминология власти: советские политические термины в историко-культурном контексте*. М.: Форум.
- Berman, Harold. 1963. *Justice in the USSR: An Interpretation of the Soviet Law*. Revised ed. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Borisova, Tatiana, and Jane Burbank. 2018. "Russia's Legal Trajectories." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 19(3):469–508. <https://doi.org/10.1353/kri.2018.0027>.
- Butler, William Elliott. 1983. *Soviet Law*. London: Butterworths.
- Griffiths, John. 1986. "What Is Legal Pluralism?" *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 18(24):1–55. <https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387>.
- Gsovski, Vladimir, and Kazimierz Grzybowski. 1959. *Government, Law, and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe*. Vol. 1. New York: Praeger.
- Hayden, Robert M. 1986. "Popular Use of Yugoslav Labor Courts and the Contradiction of Social Courts." *Law & Society Review* 20(2):229–251. <https://doi.org/10.2307/3053541>.
- Huskey, Eugene. 1991. "A Framework for the Analysis of Soviet Law." *Russian Review* 50(1):53–70. <https://doi.org/10.2307/130211>.
- Khlevniuk, Oleg V. 1997. "The Politburo, Penal Policy, and 'Legal Reforms' in the 1930s." Pp. 190–206 in *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture and the Limits of Legal Order*, edited by Peter H. Solomon. London: Routledge.
- Kokosalakis, Yiannis. 2021. "Bolshevik Bargaining in Soviet Industry: Communists between State and Society in the Interwar Soviet Union." *Journal of Modern History* 93(2):324–362. <https://doi.org/10.1086/714151>.
- Merry, Sally Engle. 1988. "Legal Pluralism." *Law & Society Review* 22(5):869–896.
- Merry, Sally Engle, and Neil Milner, eds. 2010. *The Possibility of Popular Justice: A Case Study of Community Mediation in the United States*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Newman, Daniel. 2014. "Cassation of Criminal Cases from Moscow Province Courts and Tribunals, 1921–1928." *Soviet and Post-Soviet Review* 41(2):146–168. <https://doi.org/10.1163/18763324-04102001>.
- Newton, Scott. 2014. *Law and the Making of the Soviet World: The Red Demiurge*. London: Routledge.
- Nonet, Philippe, and Philip Selznick. 1978. *Law and Society in Transition: Toward Responsive Law*. New York: Harper & Row.
- Pospisil, Leopold. 1971. *The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law*. New York: Harper & Row.
- Rendle, Matthew. 2013. "Defining the 'Political' Crime: Revolutionary Tribunals in Early Soviet Russia." *Europe-Asia Studies* 65(9):1771–1788. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.840117>.
- Retish, Aron. 2013. "Controlling Revolution: Understandings of Violence through the Rural Soviet Courts, 1917–1923." *Europe-Asia Studies* 65(9):1789–1806. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.842363>.
- Rittersporn, Gabor T. 1997. "Extra-Judicial Repression and the Courts: Their Relationship in the 1930s." Pp. 207–227 in *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture and the Limits of Legal Order*, edited by Peter H. Solomon. London: Routledge.
- Sagatiene, Dovile. 2016. "Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law." Max Planck Institute for European Legal History Research Paper Series No. 2016-07, June 20. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2835374>.
- Savelsberg, Joachim J. 2000. "Contradictions, Law, and State Socialism." *Law & Social Inquiry* 25(4):1021–1048. <https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.2000.tb00315.x>.

- Shamir, Ronen. 2002. "The Comrades Law of Hebrew Workers in Palestine: A Study in Socialist Justice." *Law and History Review* 20(2):279–305. <https://doi.org/10.2307/744036>.
- Singer, Joseph William. 1984. "The Player and the Cards: Nihilism and Legal Theory." *Yale Law Journal* 94(1):1–70. <https://doi.org/10.2307/796315>.
- Solomon, Peter H. 2012. "Criminalisation, Decriminalisation and Post-Communist Transition: The Case of the Russian Federation." Pp. 107–126 in *Building Justice in Post-Transition Europe? Processes of Criminalisation within Central and Eastern European Societies*, edited by Kay Goodall, Margaret Malloch, and Bill Munro. London: Routledge.
- Straus, Kenneth. 1997. "Soviet Factory as Community Organizer." Pp. 142–166 in *Danwei: The Changing Chinese Workplace in Historical and Comparative Perspective*, edited by Xiaobo Lu and Elizabeth J. Perry. Armonk, NY: M. E. Sharpe.

REPRESSIONS AND EMANCIPATIONS OF SOCIALIST LEGALITY: INDUSTRIAL COMRADES' COURTS DURING FIRST FIVE-YEAR PLANS

Maria Starun

Maria Starun, Department of History, National Research University Higher School of Economics, Saint Petersburg (Russia). Address for correspondence: HSE University, ul. Soiuza Pechatnikov, 16, Saint Petersburg, 190121, Russia. mstarun@hse.ru.

This article is an outcome of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics.

This article examines two simultaneous and contradictory aspects of socialist legality: its repression and emancipation. The author investigates one particular institution of socialist legality—comrades' courts in the workplace—in order to discover the interweaving of these two functions of Soviet justice. The article argues that the flexibility of socialist legality is one of its basic and defining features, which could provide an emancipatory space of struggle for rights and criticism of the system, on one hand, and a purely repressive, restrictive effect, on the other. It was not the actual legislation that determined the functioning of legality but the interaction of that legislation with the environment, which often subordinated not only the a priori broad procedures of Soviet law but also the essence of the law, which was exposed to interpretations. The author demonstrates that the operation of comrades' courts depended on many factors: the authority and independence of the local Communist Party and trade union cells; the presence of activists; the industrial environment of interaction; the interests of the courts' organizers; government campaigns; and so on. In practice, comrades' courts as one of the loci of socialist legality accommodated a wide range of their own autonomous tactics, among which one can detect bureaucratic (abundance of fines, existence of particular courts only on paper), repressive (control over disciplining of and providing for workers), and emancipatory (protection of honor and dignity in the workplace, criticism of administration, struggle for better working conditions through drawing attention to disorder in the organization). Such broad contexts

and interpretations available in comrades' courts demonstrate the broad scope of socialist legality, the realization of which in each individual case depended on the context and occurred in its own unique way.

Keywords: Socialist Legality; Comrades' Courts; USSR; Law; Conflict; Discipline; Industrialization; Trade Unions; Communist Party

REFERENCES

- Berman, Harold. 1963. *Justice in the USSR: An Interpretation of the Soviet Law*. Revised ed. Cambridge, MA: Harvard University Press.
- Borisova, Tatiana, and Jane Burbank. 2018. "Russia's Legal Trajectories." *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History* 19(3):469–508. <https://doi.org/10.1353/kri.2018.0027>.
- Butler, William Elliott. 1983. *Soviet Law*. London: Butterworths.
- Butovskii, Aleksei. 1907. *O shkol'nom tovarishcheskom sude*. Saint Petersburg, Russia: Tip. M. M. Stasiulevicha.
- Epifanovich, Vladimir. 1934. *Tovarishcheskim sudam—opyt izhortsev*. Moscow: Profizdat.
- Fakurdinova, Alla. 2019a. "Kvazisudebnye organy sovetskoi sistemy (istoriograficheskii aspekt)." *Manuskript* 12(10):113–117. <https://doi.org/10.30853/manuskript.2019.10.21>.
- Fakurdinova, Alla. 2019b. "Pravovaia osnova deiatel'nosti tovarishcheskikh sudov (1920-e–nachalo 1930-kh gg.)." *Pravo: Istoriia i sovremennost'* 4:33–43. <https://doi.org/10.17277/pravo.2019.04.pp.033-043>.
- Feldman, David. 2016. *Terminologiya vlasti: Sovetskie politicheskie terminy v istoriko-kul'turnom kontekste*. Moscow: Forum.
- Griffiths, John. 1986. "What Is Legal Pluralism?" *Journal of Legal Pluralism and Unofficial Law* 18(24):1–55. <https://doi.org/10.1080/07329113.1986.10756387>.
- Grishin, Zinovii. 1936. *Sovetskoe trudovoe pravo*. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo.
- Gsovski, Vladimir, and Kazimierz Grzybowski. 1959. *Government, Law, and Courts in the Soviet Union and Eastern Europe*. Vol. 1. New York: Praeger.
- Hayden, Robert M. 1986. "Popular Use of Yugoslav Labor Courts and the Contradiction of Social Courts." *Law & Society Review* 20(2):229–251. <https://doi.org/10.2307/3053541>.
- Huskey, Eugene. 1991. "A Framework for the Analysis of Soviet Law." *Russian Review* 50(1):53–70. <https://doi.org/10.2307/130211>.
- Ikorskii, Pavel. 1966. "Organizatsiia i deiatel'nost' tovarishcheskikh sudov v pervye gody sovetskoi vlasti (1917–1922 gg.)." Avtoreferat dissertatsii kandidata iuridicheskikh nauk, Moskovskii gosudarstvennyi universitet.
- Il'in, Nikifor. 1916. *O vospitanii obshchestvennosti v shkole*. Moscow: Tip. Moskovskoe gorodskoe Arnol'do-Tret'iakovskoe uchilishche glukhonemykh.
- Isaev, Viktor, and Dmitrii Mikhhev. 2018. "Tovarishcheskie sudy v Sibiri v gody pervykh piatiletok." *Gumanitarnye nauki v Sibiri* 25(2):110–114. <https://doi.org/10.15372/HSS20180220>.
- Karas', Iakov. 1897. "Shkol'noe tovarishchestvo: Iz zapisok narodnogo uchitel'ia." *Russkaia shkola* 3:100–116.
- Kashanin, Andrei. 2013. "Neopredelennost' prava i usmotrenie pravoprimenitel'ia kak ogranichiteli ispol'zovaniia tsentralizovannykh metodov regulirovaniia." *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniia* 4:19–35.
- Khlevniuk, Oleg V. 1997. "The Politburo, Penal Policy, and 'Legal Reforms' in the 1930s." Pp. 190–206 in *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture and the Limits of Legal Order*, edited by Peter H. Solomon. London: Routledge.
- Kodintsev, Aleksandr. 2007. "Spory o roli i meste narodnykh i obshchestvennykh sudov v sudebnoi sisteme SSSR v seredine 30-kh godov XX veka." *Rossiiskaia iustitsiia* 2:45–47.
- Kodintsev, Aleksandr. 2008. *Gosudarstvennaia politika v SSSR v 30–50-e gody v sfere iustitsii*. Kurta-mysh, Russia: Kurtamyshskaia tipografia.

- Kodintsev, Aleksandr. 2009. "Obshchestvennye sudy v SSSR v 30–50-e gody XX v." *Administrator suda* 4:43–48.
- Kodintsev, Aleksandr, and Denis Shkarevskii. 2019. "Organy spetsial'noi iustitsii sovetskogo gosudarstva kak instrument zashchity vlasti." *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorii* 59:29–39. <https://doi.org/10.17223/19988613/59/4>.
- Kokosalakis, Yiannis. 2021. "Bolshevik Bargaining in Soviet Industry: Communists between State and Society in the Interwar Soviet Union." *Journal of Modern History* 93(2):324–362. <https://doi.org/10.1086/714151>.
- Kollmann, Nancy. 2016. *Prestuplenie i nakazanie v Rossii rannego Novogo vremeni*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Kozhevnikov, Mikhail. 1957. *Istorii sovetskogo suda, 1917–1956*. Moscow: Gosiurizdat.
- Lezov, Igor'. 1998. "Sovetskii sud v 1917–1940 gg." Dissertatsiia kandidata istoricheskikh nauk, Moskovskii gosudarstvennyi universitet.
- Merry, Sally Engle. 1988. "Legal Pluralism." *Law & Society Review* 22(5):869–896.
- Merry, Sally Engle, and Neil Milner, eds. 2010. *The Possibility of Popular Justice: A Case Study of Community Mediation in the United States*. Ann Arbor: University of Michigan Press.
- Moskalenko, Georgii, and Mikhail Timofeev. 1929. *Tovarishcheskie sudy: Posobie dlia tovarishcheskikh sudov na fabrichno-zavodskikh predpriiatiakh, v gosud. i obshchestvennykh uchrezhdeniakh, dlia fabzavmestkomov i sudebnykh rabotnikov*. Moscow: Iuridich. izd-vo NKIU RSFSR.
- Nazarenko, Tat'iana. 2006. "Neopredelennost' v rossiiskom prave." Avtoreferat dissertatsii kandidata iuridicheskikh nauk, Rossiiskaia akademiia pravosudiia, Moscow.
- Newman, Daniel. 2014. "Cassation of Criminal Cases from Moscow Province Courts and Tribunals, 1921–1928." *Soviet and Post-Soviet Review* 41(2):146–168. <https://doi.org/10.1163/18763324-04102001>.
- Newton, Scott. 2014. *Law and the Making of the Soviet World: The Red Demiurge*. London: Routledge.
- Niurina, Fanni. 1933. *Proizvodstvenno-tovarishcheskie sudy na novom etape*. Moscow: Sovetskoe zakonodatel'stvo.
- Nonet, Philippe, and Philip Selznick. 1978. *Law and Society in Transition: Toward Responsive Law*. New York: Harper & Row.
- Ostrovskii, Vladimir. 1929. "Blizhaishie perspektivy raboty tovarishcheskikh sudov." *Ezhenedel'nik sovetskoi iustitsii* 21:482–484.
- Pirogov, Nikolai. 1953. *Izbrannye pedagogicheskie sochineniia*. Moscow: Izd-vo Akad. ped. nauk RSFSR.
- Pospisil, Leopold. 1971. *The Anthropology of Law: A Comparative Theory of Law*. New York: Harper & Row.
- Rendle, Matthew. 2013. "Defining the 'Political' Crime: Revolutionary Tribunals in Early Soviet Russia." *Europe-Asia Studies* 65(9):1771–1788. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.840117>.
- Retish, Aron. 2013. "Controlling Revolution: Understandings of Violence through the Rural Soviet Courts, 1917–1923." *Europe-Asia Studies* 65(9):1789–1806. <https://doi.org/10.1080/09668136.2013.842363>.
- Rittersporn, Gabor T. 1997. "Extra-Judicial Repression and the Courts: Their Relationship in the 1930s." Pp. 207–227 in *Reforming Justice in Russia, 1864–1996: Power, Culture and the Limits of Legal Order*, edited by Peter H. Solomon. London: Routledge.
- Sagatiene, Dovile. 2016. "Framing Legal History: Competing Western Interpretations of Soviet Law." Max Planck Institute for European Legal History Research Paper Series No. 2016-07, June 20. <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2835374>.
- Savelsberg, Joachim J. 2000. "Contradictions, Law, and State Socialism." *Law & Social Inquiry* 25(4):1021–1048. <https://doi.org/10.1111/j.1747-4469.2000.tb00315.x>.
- Shamir, Ronen. 2002. "The Comrades Law of Hebrew Workers in Palestine: A Study in Socialist Justice." *Law and History Review* 20(2):279–305. <https://doi.org/10.2307/744036>.
- Singer, Joseph William. 1984. "The Player and the Cards: Nihilism and Legal Theory." *Yale Law Journal* 94(1):1–70. <https://doi.org/10.2307/796315>.
- Smykalin, Aleksandr. 2002. "Sudebnaia reforma 1922 goda." *Rossiiskaia iustitsiia* 4:39–42.

- Solomon, Peter. 2008. *Sovetskaia iustitsiia pri Staline*. Moscow: ROSSPEN.
- Solomon, Peter H. 2012. "Criminalisation, Decriminalisation and Post-Communist Transition: The Case of the Russian Federation." Pp. 107–126 in *Building Justice in Post-Transition Europe? Processes of Criminalisation within Central and Eastern European Societies*, edited by Kay Goodall, Margaret Malloch, and Bill Munro. London: Routledge.
- Starun, Mariia. 2021. "'Natsionalizatsiia' obobshchestvennoi distsipliny: Tovarishcheskie sudy v Sovetskoii Rossii v 1917–1922 gg." *Cahiers du monde russe* 4:553–580. <https://doi.org/10.4000/monderusse.12659>.
- Straus, Kenneth. 1997. "Soviet Factory as Community Organizer." Pp. 142–166 in *Danwei: The Changing Chinese Workplace in Historical and Comparative Perspective*, edited by Xiaobo Lu and Elizabeth J. Perry. Armonk, NY: M. E. Sharpe.
- Surilov, Aleksei. 1963. *Istoriia gosudarstva i prava Moldavskoi SSR (1917-1959 gg.)*. Kishinev: Kartia moldoveniaske.
- Suyazov, Viacheslav. 2020. "Tovarishcheskii sud RSFSR: Pravosudie i spravedlivost'?" *Obrazovanie i pravo* 9:475–480. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-00619>.
- Velikanova, Ol'ga. 2021. *Konstitutsiia 1936 goda i massovaia politicheskaia kul'tura stalinizma*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Vol'dman, Iurii. 1969. "Tovarishcheskie sudy na predpriatiiakh, v uchrezhdeniiah i organizatsiiah." Avtoreferat dissertatsii kandidata iuridicheskikh nauk, Vsesoiuznyi iuridicheskii za-ochnyi institut, Moscow.
- Zhuravlev, Sergei, and Mikhail Mukhin. 2004. *Krepost' sotsializma: Povsednevnost' i motivatsiia truda na sovetskom predpriatii, 1928–1938 gg.* Moscow: ROSSPEN.